

Фото: Микола Гискок

Олег ЯНКОВСКИЙ:
«ЖИЗНЬ
МЕНЯ
НЕПЛОХО
ВЕДЕТ»

– Не верьте ни одному его слову! – улыбаясь, прокричал мне через весь зал Марк Рудинштейн, отец «Кинотавра», уходя из Дома актера, где мы встречались с Олегом Янковским, теперь уже вечным неотразимым Мюнхгаузеном для большинства из нас. Ведущий актер легендарного Ленкома, неисполнимая мечта половины женского населения бывшего Союза, Кавалер Почетного Золотого знака «Общественное признание» лукаво улыбнулся и выжидательно посмотрел мне в глаза: «С чего начнем?»

– **Вы любите анализировать свои поступки, чувства, ситуации?**

– Да, конечно. Только внутри себя. Публично – нет.

– **А что Вам ближе – простые истины или возвышающий обман?**

– Простые истины: «Все на круги своя», «Что посеешь – то и пожнешь»... Вроде прописные слова, но очень глубокие. На них зиждется жизнь.

– **Вы похожи на своего отца?**

– Нет, я на маму больше похож.

– **А сын на вас похож?**

– Наполовину.

– **У вас есть мужская дружба в семье между поколениями?**

– Думаю, могла бы быть более идеальной. Дело в том, что все мы занимаемся одной профессией – и мой старший брат, и сын, и каждый стремится к лидерству – и тут всего очень много намешано: и конституция человеческая, и нервная система, и психика, и тщеславие, и самолюбие...

– **А Вы умудрились успевать быть отцом, или Вас на это уже не хватало?**

– У-у-у, куда Вас заносит... Нет, вот если говорить о душе, о желании быть рядом, то зачастую, когда был один, после съемочного дня, в гостинице, конечно, все мысли были о доме, о сыне. Но, безусловно, этого мало, и детям всегда не хватает нашего общения. А жизнь устроена так, что состояться в профессии невозможно, не занимаясь ей всерьез. А я ведь еще был артистом Саратовского театра, и утвердиться артисту с периферии в столице, на этом огромном рынке, еще сложнее. Поэтому когда предоставился случай и судьба повела, то, конечно, все время было отдано профессии. Но, тем не менее, в редкие часы, которые я оказывался рядом с сыном, меня оторвать от него было невозможно. Но, наверно, главная миссия родителя не в том, чтобы все свое время посвящать ребенку, а в стратегии воспитания.

– **Расскажите, пожалуйста, о Вашем любимом городе.**

– Я родился в Джеккагане, но сказать, что я его помню, и он был бы мне родным, не могу. Долгое время я жил в Саратове, вот к нему отношение трогательное до сих пор. Время было нелегкое: отца репрессировали, мы жили с мамой и бабушкой, была такая неустроенность... Но здесь прошло детство, здесь состоялись первые шаги в профессии – в театральном училище. И в памяти остался даже не столько город, а какие-то его места – двор, где жил, улица, где учился, и т.п. И вот этот мирок, хранящийся в памяти, энергетически меня подпитывает, заряжает. Еще был в моей жизни славный город Минск, где тоже прошли первые шаги на сцене Минского театра. Так что юношеские годы у меня оказались разбросанными по городам, и в каждом было какое-то тепло, и каждому городу я благодарен по-своему. Но самый любимый, родной город, где мне хорошо, в котором хорошо жить и хорошо возвращаться, – это Москва. Я как-то органично

в него вошел, и у меня такое ощущение, что, может, в какой-то другой жизни я жил в Москве. Ее аура, энергетика, сумасшедший ритм, который многие считают ее недостатком, мне близки. И сколько бы я ни бывал за границей, в красивейших местах, меня тянет домой, хотя не могу сказать, что, вернувшись, я каждый вечер гуляю где-нибудь в переулочках Москвы. Но проезжая на машине, я всегда люблю, как Москва хорошеет, и думаю: «Надо бы обязательно пройтись здесь пешочком, не торопясь...» И с этой мыслью... с этой мыслью...

– **Проходят годы...**

– Да! Но часто, зная, что могут быть пробки, я выезжаю из дома пораньше и делаю лишнее кольцо по тем любимым московским улочкам, которые по пути, и получаю большое удовольствие.

– **А какие улочки у Вас любимые?**

В родном кругу кинематографистов: «Свой среди своих»

–... Так сложно сказать... Может, Вы это сформулируете, объясните, почему так бывает: можно получить шикарную квартиру в самом лучшем районе, но там тебе будет нехорошо...

– **Наверное, оттого, что наша привязанность к каким-то местам обусловлена пережитыми, или наоборот – не пережитыми там чувствами?**

– Не только... Нет, что-то еще другое есть... Мы в шутку говорим о Домовом, а, может, это не шутки? Наверное, какие-то точки на Земле, в которых нам хорошо, определяются космосом, возможно, зависят от нашего знака зодиака... Можно еще много чего наговорить, но почему-то в одном шикарном престижном районе тебе дискомфортно, а в другом, неприметном, – тепло и хорошо. Поэтому в Москве я не могу выбрать какого-то одного места, куда бы я приходил «подпитываться» эмоционально. Их много. Скажем, очень люблю свою набережную – Фрунзенскую, где живу. Там какая-то очень хорошая аура. Люблю многие старые московские переулочки...

– **В каких отношениях Вы с техникой?**

– В ужасных, чудовищных!

– **Но машину-то Вы водите?**

– Это не есть отношения с техникой. Кроме газа и тормоза я так, по большому счету, ничего и не освоил... И не тянет... Не моя стихия.

– **А что Ваша стихия, кроме профессии?**

– Фантазия.

– **И в чем она проявляется?**

– Мое любимое времяпрепровождение – сесть где-нибудь в уличном кафе, взять чашечку кофе и, глядя на то, что происходит вокруг, воспринимать реальную жизнь и фантазировать по ее поводу. Такое бывает и в машине, когда еду. Не случайно же я выбрал такую профессию (или она меня?), где фантазия необходима. Иногда фантазии мне мешают сосре-

доточиться на какой-то хорошей литературе: натолкнувшись на интересную мысль и дав толчок фантазии, я иногда так далеко улетаю в своих мыслях, что не сразу замечаю, что читаю дальше механически, уже не воспринимая, что прочел...

– **Интересно, какой литературой Вас можно увлечь так, что Вы зачитаетесь?**

– Не могу сказать, что читаю триллеры, урывая для этого каждую свободную минуту. Я все-таки люблю «комфортно» общаться с литературой. С литературой, в которой есть четвертый, пятый план... С литературой, которая подталкивает твою фантазию, и ты начинаешь мысленно рисовать уже много чего... Такие книги у Трифонова, например. Он меня очень увлек в свое время... «Дом на набережной»... Я про этот дом могу нафантазировать больше, чем написал сам Трифонов. Поскольку у меня тоже был репрессирован отец, и мне эта тема близка. Возвращаясь к фантазии, добавлю, что, наверное, поэтому же мне близки и картины авангардистов. Не могу сказать что это мое хобби, но у меня даже есть неболь-

шая коллекция русского авангарда дома, которая подобралась как-то сама-собой, когда я часто общался с художниками, у меня немало друзей среди них, я бывал в их мастерских. Кстати, у меня вообще нет хобби в общепринятом смысле этого слова. Сказать, что я с нетерпением жду сезона рыбалки или охоты, – этого ничего нет. Но, оказывается, есть и увлечения другого рода – находить интерес в мысленном общении с самим собой, погружаться в свои фантазии... Жаль, что мне Бог не дал таланта писателя, а то бы я все это еще и записывал – иногда прелюбопытные сюжеты рождаются... и умирают. Через несколько дней пытаешься вспомнить, что ж там так хорошо складывалось-то? Но нет. Все вылетело из головы. Поэтому когда кого-то удивляет, как же это он там так сыграл, отвечаю: Да потому что нафантазировал! Я очень люблю молчать в ролях. По той же причине. Кстати, у нас хороший разговор, спасибо Вам, мы никогда ни с кем не говорили на эти темы – об анализе своей актерской природы, профессии, хотя об этом с годами все больше задумываешься, но гонишь эти мысли от себя, думая, зачем это нужно, когда есть театроведы, критики, психологи, в конце-концов – пусть они этим занимаются и ломают головы, что же это за люди – актеры и люди ли они вообще... Шучу. Конечно, люди, и хотя они отлучены от церкви, но это люди Божьей профессии.

– Бывало такое, что Ваша фантазия Вам вредила?

– Иногда я боюсь фантазировать и суеверно стучу по дереву. Потому что несколько раз так было, что я подумал о чем-то, а оно так и случилось.

– Как у Вас интересно сочетается вся эта мешанина из гороскопов, суеверий, Бога, космоса и т.п....

– Да, действительно, но многое, как мне кажется, имеет под собой какую-то почву, поскольку была масса совпадений. Но я не люблю, когда гадают, сам никогда не гадаю, терпеть не могу передачу «Третий глаз» или что-то в этом роде, когда на экране дьявольщина какая-то происходит.

– А Вы нет-нет смотрите телевизор? Обычно люди творческие скептически относятся к телепрограммам, не считая новостей.

– Я часто смотрю телевизор. Люблю Ворошиловскую «Что, где, когда?», «О, счастличик» Диброва и еще ряд программ.

– Вы осторожный человек?

– Очень. Жизнь заставила. На съемках фильма «Гонщики» шансов выжить не было. И это было дважды. И когда я после этого остался без царапины, то понял, что это было предупреждение, и надо быть очень осторожным.

– У Вас есть любимая страна, кроме Родины?

– Италия. Так сложилось, что я туда приезжал не бедным родственником. Там я впервые сформулировал для себя, что же такое ностальгия. – Это потеря ощуще-

ния своей личности. В России я чувствую вес, ощущение своей личности, а там это все исчезает. И ты не понимаешь, почему же так дискомфортно? Оказывается, вот почему... Оказывается, взгляды на тебя другие... Оказывается, то внимание, которое ты заслужил по отношению к себе своей профессией, очень питает тебя. Оказывается, это необходимая часть профессии. И когда мы порой капризно возмущаемся, что надоело вечно быть на виду, что мы мечтаем, чтоб нас не замечали в толпе, – это все неправда. Вот когда это все вдруг исчезает (как это обычно бывает где-нибудь за границей), тогда сразу чувствуешь, как тебе этого недостает. И только в Италии у меня было по-другому, потому что туда я приезжал заниматься делом, сниматься у Тарковского в «Ностальгии».

– Значит, Пушкин лукавил, когда писал: «Что слава? Яркая заплатка на

– Весной. Терпеть не могу эту длинную сырую осень, когда темнеет в четыре часа. Сейчас смотришь – девятый час, а еще светло. А скоро и в одиннадцать будет светло! Глаз начинает гореть... К лету, правда, привыкаешь... Но к концу его уже начинает томиться душа, что еще немножко – и снова эта слякоть, темень в четыре часа... В старой доброй Руси все, кто подвержен осенней хандре, уезжали подальше от этого в другие страны, может, со временем и мы тоже сможем это себе позволить... Осенняя депрессия, наверное, связана, опять-таки с характером, с профессией, это типично для людей искусства, которые воспринимают жизнь всей своей нервной системой, кожей, подкоркой...

– Что еще Вы не любите?

– Можно, как Высоцкий сейчас запеть «Я не люблю, когда ...» И перечислить

«Как хорошо быть Кавалером!»

ветом рубище певца...»?

– Хотел бы я видеть лицо Александра Сергеевича, если бы перед ним закрыли двери в салон!.. Или просто он не был бы желанным в каждом доме... Я б на него посмотрел! Не знаю, заплатка или не заплатка слава, но его же перу принадлежит «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

– А, кстати, Вы свои фильмы можете смотреть?

– Некоторые не могу, а некоторые смотрел так, что, поверьте, забывал, что это моя картина. Это случилось с «Полетами во сне и наяву», с Мюнхгаузеном, куски в «Крейцеровой сонате»... Будто и не я сделал.

– Вам везло на талантливых, знаменитых режиссеров, а кто из них Вам наиболее близок?

– Боюсь кого-нибудь обидеть... Все они разные, и все сыграли в мой судьбе значительную роль – Басов, Карелов, Авербах, Тарковский, Швейцер, Балаян, Захаров...

– А в какое время года Вы себя лучше чувствуете?

много чего.

– В таком случае, чего в Вас больше – приятия жизни или единоборства, разлада с ней?

– Нет, я все-таки как-то стараюсь жить в ладу с ней. Да, многие творческие люди часто конфликтуют не то, что с обществом, системой или еще чем-нибудь, а даже с самим собой. И это, кстати, может рождать в художнике очень много. Таким был Тарковский, например. К сожалению, он ушел очень рано, а вот когда вдруг стало все разрешено – как бы он себя чувствовал?.. Я все-таки другой профессией занимаюсь – она авторская, но не в той степени, как писатель, композитор, режиссер... Актер же выполняет чью-то установку, волю, да? Я сформулировал для себя одну из необходимых позиций артиста, с которой, может, некоторые мои коллеги и не согласятся: это умение «принадлежать». Как это было у тех, кто снимался у Тарковского, например. У него же авторское кино (он ведь все про себя всегда снимал!), и моя задача как актера – почувствовать: что же тебя мучает,

С женой и сыном на «празднике жизни»

Андрей Арсентьевич? Как это передать? То же было и с Толей Солоницыным, Ритой Тереховой. Так складывался круг «его» актеров, которым удавалось «почувствовать» режиссера, и поэтому ему удобно было с ними работать. Это не значит, что они теряли свою индивидуальность, это другое.

– **Что Вам ближе – море, лес, горы?**

– Средняя полоса России. Море я люблю – смотреть, любоваться морской гладью. Но такого, чтоб заплывать подальше... мне это не доставляет удовольствия, хотя я и «рыба» по гороскопу. Глубина подо мной, тайна того, что нами еще не изведано, меня как-то «сжимает». В бассейне, когда знаю, что до дна могу достать, я чувствую себя как-то комфортнее...

– **У Вас есть любимые животные? Кто-нибудь живет в Вашем доме?**

– Обожаю собачек, но нам с ними не везет, погибали они ужасно. Пока не можем пересилить себя и новую не заводим.

Сейчас у нас живет очаровательный кот Джаз, черный, с зелеными глазами, такая маленькая «пантера». До его появления кошек я не понимал и не замечал, но теперь вижу: космическое животное! И ласку он иногда так царственно подарит!..

– **Я знаю, Вы сейчас снимаете фильм как режиссер. Зачем Вам это нужно?**

– Вот! Хорошая мысль: зачем мне это нужно? Если б мы делали всегда то, что нам нужно... Скажу честно, что я всегда думал о режиссуре, а с годами почувствовал, что наступает какой-то период созидания. Думаю, что этой профессии научиться нельзя, и тому много примеров, когда люди из актеров становились блистательными режиссерами – Марк Захаров, Юрий Любимов. Я не хочу проводить параллели с собой, но мне тоже захотелось попробовать себя в новом качестве. А, надо сказать, меня к этому долго подталкивали – и Марк Анатольевич в том числе, который

не раз предлагал мне, и другим актерам что-нибудь поставить в театре. Но до сих пор так никто и не рискнул это сделать, потому что настолько яркая стилистика и почерк у Захарова, он создал такой сильный театр, что «замахнуться на Вильяма нашего, на Шекспира» просто не хватает духу. В БДТ времен Товстоногова было то же самое. А с кино получилось очень интересно. Я шага не сделал, чтобы родился этот проект. Я не то, чтобы не спал ночами, думая, какой бы сценарий поставить. Или искал деньги на постановку... Такого не было. Это просто стечение обстоятельств. А поскольку жизнь меня неплохо ведет, я этому сопротивляться не стал.

Все началось со звонка Михаила Аграновича: «Олег, ты пьесу Птушкиной «Пока она умирала» во МХАТе видел?» – «Видел». «Как тебе?» – «Забавно». «Есть возможность снять по ней фильм». Так неожиданно начались наши «Рождественские грезы», как будет называться эта картина. Очень добрая, человеческая история, каких сегодня не хватает. Если бы мне предложили дебютировать с каким-то концептуальным сценарием, я бы, наверное, и не рискнул это делать, а то, что история незадейлива, рассчитана всего на четырех героев, в данном случае хорошо. В результате я играю и режиссирую, а Михаил Агранович – снимает как оператор и тоже режиссирует. У нас играют замечательные Екатерина Васильева, Ирина Купченко и актриса Ленкома Наталья Щукина. К лету мы планируем закончить съемки, а премьеры намечена к Новому году.

– **Как же это можно совмещать с Вашей основной работой – ведь съемки, как правило, поглощают режиссера целиком?**

– Не знаю. Может, мы с вами встретимся еще, когда закончатся съемки, и тогда я расскажу, как это все было. А пока – не знаю. Это как учиться плавать...

На съемках «Рождественских грез» режиссер Янковский в прямом и переносном смысле сдувает пылинки с собственного внука, дебютирующего в дедушкином фильме.